

Сенсационный и захватывающий триллер, который уже успел покорить читателей со всего мира! Ошеломляющий успех в США, Великой Британии, Бразилии, Дании, Голландии, Норвегии, Турции и других странах. Невероятно сильная книга, от которой мурашки по коже!

Хелена живет на отдаленном Верхнем полуострове Мичигана, она здесь — лучший следопыт и охотник. Все свои удивительные навыки Хелена получила от отца, которого считала настоящим героем. Но он оказался психопатом, похитившим ее мать и вынудившим дочь все детство провести в изоляции, не имея никаких контактов с внешним миром.

Пятнадцать лет спустя преступник выходит из тюрьмы строгого режима и прячется. Найти его способна только Хелена, но она не знает, что его игры в прятки — это коварный план...

Отец отбирает у меня обломок бесполезного оружия и отбрасывает его в сторону. Вскидывает руку и целится в меня из «магнума». Я кидаюсь ему в ноги. Он теряет равновесие и разбрасывает руки в стороны, чтобы устоять. «Магнум» падает на землю. Я пытаюсь его схватить, но отец отталкивает его ногой к луже рядом с дорогой и наступает на мои руки, закованные в наручники. Ни секунды сомнения — я хватаю его за ботинок и отрываю от земли. Отец падает рядом со мной. Мы перекатываемся. Я обхватываю его голову руками и душу целью от наручников. Давлю так сильно, как только могу. Он задыхается, вытаскивает из-за пояса мой нож, колет и режет все, до чего может дотянуться, — мои руки, ноги, бока и лицо.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3185-6

9 786171 231856

КАРЕН ДИОННЕ

ДОЧЬ БОЛОТНОГО ЦАРЯ

КАРЕН ДИОННЕ

ПОЧЬ
БОЛОТНОГО
ЦАРЯ

**ДОЧЬ
БОЛОТНОГО
ЦАРЯ**

KAREN DIONNE

**THE
MARSH KING'S
DAUGHTER**

КАРЕН ДИОННЕ

**ДОЧЬ
БОЛОТНОГО
ЦАРЯ**

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Д46

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
«Folio Literary Management», LLC и «Prava i Prevodi»

Переведено по изданию:
Dionne K. The Marsh King's Daughter : A Novel / Karen Dionne. —
New York : G.P. Putnam's Sons, 2017. — 320 p.

Перевод с английского *Марии Чайковской*

Дизайнер обложки *Mibl Art*

ISBN 978-617-12-3185-6
ISBN 978-0-7352-1300-5 (англ.)

- © K Dionne Enterprises L.L.C., 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Роджеру. За все

Плоды успеха одного возможны лишь за счет падения другого. Новое поколение расцветает, когда увядает предыдущее. Наши потомки станут нам самыми опасными врагами, и мы к этому совершенно не готовы. Они не только переживут нас, но и вырвут власть из наших ослабевших рук.

Карл Густав Юнг

Из своего гнезда на высокой крыше замка викингов аист видел маленькое озеро и ольховый пень, торчащий в зарослях камышей на зеленой отмели. На нем сидели три лебедя и хлопали крыльями, оглядываясь по сторонам. Но вот один из них сбросил оперение, и аист увидел принцессу Египта. Она присела прямо там, нагая, укрытая лишь своими длинными черными волосами. Аист слышал, как она велела двум лебедям присмотреть за ее оперением, а затем погрузилась в воду, чтобы сорвать цветы, которые ей там почудились.

Лебеди кивнули, а затем подхватили ее оперение и поднялись в воздух.

— Ныряй! — громко приказали они. — Не летать тебе больше в лебедином оперении, не увидеть больше Египта! Здесь, на болоте, ты останешься навеки!

И, сказав это, они разорвали оперение на тысячу частей. Перья опали, точно снег, а затем лживые принцессы улетели прочь.

Принцесса плакала и сокрушалась. Ее слезы капали на старый ольховый пень, который на самом деле был вовсе не пнем, а болотным царем, жившим и правившим в болотных землях. Пень обернулся к ней, преобразившись. Из него показались две влажные ветви, похожие на руки. Бедное дитя испугалось и бросилось наутек. Принцесса пыталась пересечь зеленую вязкую трясиину, но провалилась, и ольховый пень тут же погрузился следом за ней. Огромные черные пузыри вздулись на покрытой тиной поверхности, а принцессы и след простыл.

Ганс Христиан Андерсен.

Дочь болотного царя

Хелена

Если я назову имя своей матери, вы его сразу же узнаете. Она стала знаменитостью, хотя и не желала этого. Это была не та слава, о которой можно мечтать, — как у Джейси Дюгард, Аманды Берри и Элизабет Сمارт¹. Но мою маму зовут иначе.

Вы сразу узнаете ее имя, если я его назову, а затем призадумаетесь, пусть и ненадолго. Ведь то время, когда людей волновала судьба моей матери, давно миновало — где же она теперь? Это правда, что у нее родилась дочь, пока она пропадала неизвестно где? И что же случилось с этой малышкой?

Я могла бы рассказать о том, что мне было двенадцать, а моей матери — двадцать восемь лет, когда мы спаслись из заточения, в котором нас держал человек, похитивший ее. Я провела все эти годы в месте, которое газеты описывали впоследствии как обветшалую ферму, лежащую среди болота в самом сердце Верхнего полуострова штата Мичиган². Я научилась читать благодаря подшивке журнала «Нэшнл географик» за пятидесятые годы и пожелтевшему томику стихов Роберта Фроста³, никогда не ходила в школу, не ездила на велосипеде и знать не знала ни об электричестве, ни о водопроводе. В течение двенадцати лет я не разговаривала ни с кем, кроме своих родителей. И я понятия не имела о том, что мы с мамой пленницы, пока нас не освободили.

¹ Джейси Ли Дюгард, Аманда Берри и Элизабет Смарт были похищены психически неуравновешенными людьми и долгое время удерживались в заточении. (*Примеч. ред.*)

² Верхний полуостров — северная часть штата Мичиган, отделенная от южной части озерами Мичиган и Гурон и соединяющим их проливом Макино. (*Примеч. ред.*)

³ Роберт Ли Фрост (1874—1963) — один из крупнейших поэтов в истории США, четырехжды лауреат Пулитцеровской премии. (*Примеч. ред.*)

Еще я могла бы рассказать о том, что мама умерла два года назад. О ее смерти упоминалось в прессе, пусть и довольно скупое, но вы, скорее всего, пропустили эту информацию, потому что она скончалась в то время, когда в новостях говорили о куда более важных вещах. Я могу рассказать, о чем умолчали газеты: о том, что моя мама так и не оправилась после долгих лет, проведенных в плену. Она не была искренним, красноречивым и харизматичным борцом за правое дело. О моей скромной, робкой и надломленной маме, всегда предпочитавшей держаться в тени, не написали книг, ее лицо не появилось на обложке «Тайм». Потому что под пристальным вниманием она съеживалась, как прихваченный морозом листок аррорута¹.

Но все же я не назову ее имени. Потому что это не ее история.

А моя.

¹ Аррорут — тропическое растение, произрастающее в Америке, из корневищ, клубней и плодов которого получают крахмал. (*Примеч. ред.*)

— Жди здесь, — говорю я своей трехлетней дочке. Лезу в окно грузовика и пытаюсь протиснуться между ее детским сиденьем и пассажирской дверью, чтобы достать пластиковый непроливаемый стаканчик с теплым апельсиновым соком, который она выбросила в порыве недовольства. — Mamочка сейчас вернется.

Мэри тянется к стаканчику. Она похожа на щенка собаки Павлова. Нижняя губка оттопырена, в глазах стоят слезы. Я все понимаю. Она устала. Но и я тоже.

— Уху-уху-уху! — хнычет Мэри, когда я отхожу в сторону. Она выгибает спинку и растягивает ремень безопасности так, словно это ремень смирительной рубашки.

— Оставайся на месте. Я скоро вернусь! — говорю я, прищуриваюсь и поднимаю вверх указательный палец, чтобы она поняла: я не шучу.

Затем я иду к багажнику, машу рукой мальчику, который складывает грузы у задних ворот «Маркхэмса» (кажется, его зовут Джейсон), открываю дверцу и достаю первые две из множества своих коробок.

— Здрасьте, миссис Пеллетье! — Джейсон машет в ответ на мое приветствие с удвоенным энтузиазмом. Я поднимаю ладонь еще раз, и мы в расчете. Устала повторять ему, чтобы звал меня Хеленой.

Из грузовика внезапно доносится: «Бам-бам-бам!»

Это Мэри стучит стаканчиком из-под сока по оконной раме. Похоже, стаканчик уже пуст. Я в ответ хлопаю ладонью по кузову: «Бам-бам-бам!»

Мэри резко вздрагивает и оборачивается, взмахнув нежными волосиками, похожими на золотистые волокна кукурузы. Я бросаю на нее свой самый сердитый взгляд, означающий «Лучше тебе этого не делать», а затем прижимаю

коробки к плечу. У нас со Стивеном темные волосы и карие глаза, так что он долго изумлялся, как это мы ухитрились произвести на свет такого уникального «золотого» ребенка, пока я не сказала ему, что моя мать была блондинкой. Это все, что он о ней знает.

«Маркхэмс» — предпоследний из четырех магазинов, куда я доставляю свои варенья и желе, и основное место их продажи, не считая заказов по интернету. Туристам, которые делают покупки в «Маркхэмсе», нравится, что все продукты здесь местного производства. Мне говорили, что многие из них берут сразу несколько моих баночек, чтобы отвезти домой в качестве сувениров. Бумажные крышки я обвязываю такой же бечевкой, какой пользуются мясники, и раскрашиваю их в соответствии с содержимым: красным, если это варенье из малины, пурпурным — если из бузины, голубым — если из черники, зеленым — если это желе из болотного рогоза и черники, желтым — если это джем из одуванчиков, розовым — если он из диких яблок и черемухи. В общем, понятно. Как по мне, этикетки — это глупо, но людям, похоже, нравится. А если уж вы стремитесь к чему-то похожему на более-менее пристойную жизнь в таком бедном районе, как Верхний полуостров, то приходится давать людям то, чего они хотят. Это не такая уж сложная наука.

Есть немало других «натуральных» продуктов, из которых я могла бы что-нибудь готовить, но пока остановилась на вареньях и желе. Любому бизнесу необходимо направление. Мой фирменный знак — это болотный рогоз, который я рисую на каждой этикетке. Уверена, я — единственный в мире человек, который делает желе из черники с корнем болотного рогоза. Но я не кладу его слишком много. Ровно столько, сколько нужно, чтобы оправдать наличие слов «болотный рогоз» в названии. В детстве побеги молодого рогоза были моим самым любимым лакомством. Я и сейчас их люблю. Каждую весну я забрасываю в багажник своего пикапа резиновые сапоги и плетеную корзину и устремляюсь на болото

к югу от нашего дома. Стивен и девочки к этим побегам и не притрагиваются, но муж не возражает против того, чтобы я их ела и возилась с ними, сколько понадобится, чтобы их приготовить. Всего несколько минут в кипящей соленой воде — и рогоз превращается в превосходную закуску! Структура у него суховатая и мучнистая, поэтому я всегда ем его с маслом, хотя в детстве я, конечно же, масла даже не пробовала.

Чернику я собираю на лесных вырубках к югу от нашего дома. Некоторые годы бывают урожайнее остальных. Черника любит свет и тепло. Бывало, индейцы специально поджигали подлесок, чтобы повысить урожайность. Надо признать, для меня это искушение. Но я не единственный человек, который бродит по округе в черничный сезон, поэтому область близ старой лесовозной дороги обчищают очень быстро. Я часто схожу с проторенной тропинки и никогда не теряюсь. Однажды я забрела в такую глушь, что меня заметили и окликнули с вертолета ДПР¹. После того как я убедила офицеров, что прекрасно знаю, где нахожусь и что делаю, они оставили меня в покое.

— Жарковато, да? — спрашивает Джейсон, наклоняясь ко мне и забирая одну из коробок, которые я прижимаю к плечу.

Я согласно мычу в ответ. Было время, когда я понятия не имела, как ответить на такой вопрос. Мое мнение о погоде на нее никак не повлияет, так какая разница, что я о ней думаю? Но теперь я знаю, что отвечать не нужно, что это просто пример «болтовни», как выражается Стивен, беседы ради беседы, заполнения тишины, и слова не имеют особой важности. Таким образом общаются между собой люди, которые не очень хорошо знакомы. Джейсон смеется так, словно я выдала шутку дня, что, по мнению Стивена, тоже неплохо, и не важно, что я не сказала ничего забавного. После того как я ушла с болота, мне было очень сложно соблюдать

¹ ДПР — департамент природных ресурсов. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

общепринятые нормы. Пожимай руки при встрече. Не ковыряй в носу. Жди своей очереди. Поднимай руку в классе и жди, пока учитель к тебе обратится, прежде чем задать вопрос. Не рыгай и не пукай в присутствии других людей. Когда приходишь к кому-то в гости, спрашивай разрешения, прежде чем сходить в туалет. Мой руки и смывай после себя. И говорить не хочу, как часто мне казалось, что все, кроме меня, знают, как правильно себя вести. Кто вообще придумывает эти правила? Почему я должна им следовать? И что будет, если я этого делать не стану?

Я кладу вторую коробку на погрузочную площадку и иду к грузовику за третьей. В течение июня, июля и августа я должна каждые две недели доставлять в магазин три коробки, каждая из которых содержит двадцать четыре банки, то есть всего семьдесят две. Моя прибыль с каждой коробки составляет пятьдесят девять долларов восемьдесят восемь центов, а это означает, что за лето благодаря одному только «Маркхэмсу» я зарабатываю больше тысячи долларов. Не так уж плохо.

Я знаю, что подумают люди, если узнают, что я отправилась таскать коробки, оставив Мэри одну в грузовике. Да еще и с открытыми окнами! Но я не вижу смысла их закрывать. Я припарковалась под сосной, с залива дует теплый ветерок, а температура весь день держится выше восьмидесяти градусов¹. А мне известно, как быстро запертая машина может превратиться в духовку.

Еще мне известно, что если кто-то захочет, то сможет с легкостью забраться в открытое окно и утащить Мэри. Вот только я еще много лет назад решила, что не буду растить своих дочерей, дрожа от страха, что с ними случится то же самое, что и с моей мамой.

Еще одно слово, и покончим с этим. Уверена: если кто-то недоволен тем, как я воспитываю дочерей, значит, он

¹ По Фаренгейту. Приблизительно равняется 30 °С.

просто никогда не жил на Верхнем полуострове в штате Мичиган. Вот и все.

Когда я возвращаюсь к пикапу, Мэри Мастерицы Побегов уже нет в кресле. Подхожу к пассажирскому окну и заглядываю внутрь. Она устроилась на полу и жует целлофановый фантик из-под конфеты, который нашла под сиденьем, жует, словно это жвачка. Я открываю дверь, выуживаю фантик у нее изо рта и засовываю в карман, после чего вытираю пальцы о джинсы, снова усаживаю дочь в кресло и пристегиваю ее. В окно влетает бабочка и садится на какое-то липкое пятно на приборной доске. Мэри хлопает в ладоши и смеется. Я улыбаюсь. Перед этим невозможно устоять. Мэри хохочет очень заразительно, во весь рот, и так естественно — мне никогда не надоедает это слушать. Видели эти ролики на «Ютьюбе», на которых малыши хохочут над всякой ерундой, — над скачущими собаками или над тем, как кто-то рвет бумагу на кусочки? Мэри смеется именно так. Она похожа на газировку, яркий солнечный свет и кряканье каролинских уток одновременно.

Я прогоняю бабочку и переставляю передачу. Автобус должен привезти Айрис домой в четыре сорок пять. Обычно Стивен приглядывает за девочками, пока я развожу доставку, но сегодня его не будет допоздна. Он проводит презентацию новой коллекции снимков маяка для владельца галереи, который продает его фотографии в Су-Сент-Мари (произносится «Су», а не «Соль», как привыкли говорить люди, которые не могут придумать ничего получше), втором по величине городе на Верхнем полуострове, что вряд ли о многом вам говорит. Соседний со стороны Канады город намного больше. Местные жители с обоих берегов реки Сент-Мари называют свой город «Су». Возможно, вы слышали об этом или посещали знаменитую пристань Су и видели, как по реке проходит гигантский грузовой корабль. Там всегда полно туристов.

Я доставляю последнюю партию джемов-ассорти в «Агат Гитчи-Гюми» и сувенирный магазинчик местного Музея истории, а затем еду к озеру в парке. Как только Мэри видит воду, она начинает хлопать в ладоши:

— Ва-ва! Ва-ва!

И да, я в курсе, что в ее возрасте пора бы уже изъясняться полными предложениями. В прошлом году мы раз в месяц возили ее к специалисту по развитию из Маркетта, но пока что это ее лучший результат.

Весь следующий час мы проводим на пляже. Мэри сидит рядом со мной на теплой гальке и жует палочку, которую я сполоснула в воде, потому что у нее режется зуб и от этого ей становится легче. Воздух горячий и неподвижный, озеро спокойное, волны в нем плещутся нежно, точно вода в ванной. Потом мы сбрасываем сандалии, заходим в воду и брызгаемся, чтобы немного охладиться. Верхнее озеро — самое большое и глубокое из всех Великих озер, поэтому вода в нем никогда не нагревается. Да и кому бы этого захотелось в такой день, как сегодня?

Я лежу, опираясь на локти. Камни теплые. Сегодня так жарко, и трудно поверить, что всего пару недель назад, когда мы со Стивеном привезли девочек сюда же, чтобы посмотреть на метеоритный дождь Персеид, нам понадобились куртки и спальные мешки. Когда я засунула их в багажник его «чероки», Стивен сказал, что это слишком, но он, конечно же, просто не представлял, как холодно бывает у воды после захода солнца. Мы вчетвером втиснулись в двойной спальный мешок и лежали на песке, глядя в небо. Айрис насчитала двадцать три упавшие звезды и на каждую загадала желание. Мэри проспала большую часть события. Через пару недель мы снова сюда вернемся — любоваться северным сиянием.

Я сажусь и смотрю на часы. Мне все еще сложно успевать куда-то вовремя. Когда человек растет на природе, как, например, я, природа сама говорит ему, что делать и когда.

Ни у кого из нас не было часов. Мы в них просто не нуждались. Мы были связаны с окружающим миром, как птицы, насекомые и животные, и подчинялись тем же биоритмам. Все мои воспоминания привязаны к тем или иным сезонам. Я не могу уверенно утверждать, сколько лет мне было, когда случилось то или иное событие, но зато точно помню, какое тогда было время года.

Теперь я знаю, что для большинства людей календарный год начинается первого января. Но на болоте не было границы, отделявшей январь от декабря, февраля или марта. Наш год начинался весной, в тот день, когда на болоте зацвели калужницы. Болотные калужницы — это огромные кусты по два с лишним фута в диаметре, усыпанные сотнями ярко-желтых цветов. Весной на болоте распускаются и другие цветы, например голубые ирисы и пушистые головки травы, но калужницы цветут очень пышно, и ничто не может сравниться с этим изумительным ярко-желтым ковром. Каждый год мой отец натягивал сапоги, выходил на болото и выкапывал один такой куст, чтобы затем поставить его в старую цинковую ванну на крыльце, наполовину заполненную водой, где этот куст пылал так ярко, что казалось, будто отец добыл нам солнце.

Мне всегда хотелось, чтобы меня звали Мэриголд — так называют у нас калужницу. Даже имя Мэри звучит лучше моего. Но меня называли Хеленой, и мне часто приходится объяснять, что мое имя произносится как ХЕ-ЛЕ-НА. Как и многое другое, его выбрал отец.

Судя по цвету неба, уже вечереет, так что нам пора уходить. Я проверяю время и, к своему ужасу, вижу, что мои внутренние часы отстают. Подхватываю Мэри, нашу обувь и бегу обратно к грузовику. Мэри недовольно кричит, когда я пристегиваю ее к сиденью. Я ее не виню. Мне бы тоже хотелось задержаться там подольше. Часы на приборной панели показывают тридцать семь минут пятого. Я могу успеть. Если бы только успеть...

Срываюсь с парковочного места и мчусь на юг по трассе М-77 с максимальной скоростью. В округе не так уж много полицейских, но местным офицерам все равно больше нечем себя занять, кроме как выписывать штрафы всяким лихачам. Вот это ирония! Я спешу, потому что опаздываю. Но если меня остановят за это, я опоздаю еще больше.

По пути Мэри впадает в настоящую истерику. Она дрыгает ногами, и песок клубится по салону, стаканчик из-под сока летит в лобовое стекло и отскакивает от него, из носа у нее текут сопли. Мисс Мэриголд Пеллетье — определенно не самый счастливый путешественник в мире. Не больше, чем я сама в данный момент.

Я настраиваю радио на волну общественной станции университета Северного Мичигана в Маркетте в надежде, что музыка ее успокоит или хотя бы заглушит ее вопли. Я не фанат классики, но это — единственная станция, которая звучит здесь четко.

Однако вместо музыки я неожиданно ловлю выпуск новостей: «...сбежавший заключенный... похититель детей... Маркетт...»

— Тихо! — шикаю я на Мэри и делаю звук громче.

«Национальный заповедник дикой природы в Сени... вооружен и опасен... не приближаться...» — все, что мне удается понять.

Мне нужно это услышать. Заповедник менее чем в тридцати милях от нашего дома.

— Мэри, тихо!

Мэри резко замолкает. Я редко на нее кричу. К счастью, сообщение повторяется.

Повторяем: полиция штата заявляет, что заключенный, отбывавший пожизненный срок без права апелляции за похищение ребенка и убийство, сбежал из тюрьмы строгого режима в Маркетте, штат Мичиган. По нашим сведениям, заключенный убил двух полисменов

во время транспортировки в тюрьму и скрылся в Национальном заповеднике дикой природы Сени к югу от трассы М-28. Ставим в известность слушателей, что заключенный вооружен и очень опасен. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ, повторяем, НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ. Если вы заметите нечто подозрительное — немедленно вызывайте правоохранительные органы. Заключенный Джейкоб Холбрук был осужден за похищение молодой девушки, которую впоследствии держал в плену в течение четырнадцати лет, — этот печально известный случай привлек внимание общественности...

Сердце замирает. Я ничего не вижу. Не могу дышать. Не слышу ничего, кроме шума крови, пульсирующей в ушах. Я сбавляю скорость и осторожно останавливаюсь на обочине. Тянусь выключить радио — моя рука трясется.

Джейкоб Холбрук сбежал из тюрьмы. Болотный Царь. Мой отец.

А я — именно тот человек, который упек его за решетку.

Я выруливаю на дорогу, разбрызгивая гравий. Сомневаюсь, что этот участок трассы кто-то патрулирует, учитывая, что сейчас происходит в тридцати милях к югу, но даже если и патрулирует, штраф за превышение скорости будет меньшей из моих проблем. Мне нужно добраться домой. Мне нужно, чтобы обе мои девочки очутились в поле моего зрения, чтобы я знала: они со мной, они в безопасности. Если верить новостям, отец сейчас движется в противоположном направлении, прочь от моего дома — в сторону заповедника. И только мне известно, что это не так. Джейкоб Холбрук, которого я знала, никогда не повел бы себя так предсказуемо. Готова поспорить на любые деньги, что через пару миль полицейские потеряют его след, если уже не потеряли. Отец может передвигаться по болоту совершенно незаметно, точно призрак. И он не оставит следов, пока сам не захочет, чтобы кто-то их нашел. Если люди, идущие за ним, подумают, будто он прячется в заповеднике, они не станут искать его на болоте.

Я крепче сжимаю руль. Представляю, как отец скрывается за деревьями, в то время как Айрис выходит из автобуса и шагает к подъездной дорожке, и вжимаю педаль в пол. Так и вижу, как он выскакивает из засады и хватается за нее в тот момент, когда автобус отъезжает, точно так же, как он выскакивал из зарослей, чтобы напугать меня, когда я выходила из туалета. В моем страхе нет логики. Если верить новостям, отец совершил побег в промежутке между четырьмя часами и четвертью пятого, а сейчас без пятнадцати пять. Он не смог бы пройти пешком тридцать миль за полчаса. Но от этого страх все равно никуда не девается. Мы с отцом не общались пятнадцать лет. Возможно, он даже не знает о том, что я сменила фамилию, как только

мне исполнилось восемнадцать, поскольку больше не могла выносить то, какой популярной стала лишь потому, что росла вдали от цивилизации. Он не знает о том, что его собственные родители умерли восемь лет назад и передали мне его наследство. Или о том, что я использовала львиную долю этого наследства, чтобы сравнять с землей дом, где он вырос, и возвести на его месте новый, в два раза больше. Или о том, что теперь я живу в нем вместе с мужем и двумя маленькими дочками. Его внучками.

Но, возможно, он знает об этом. Теперь возможно все. Потому что сегодня отец сбежал из тюрьмы.

Я опоздала всего на минуту. Уж точно не больше, чем на две. Я пристраиваюсь за автобусом Айрис. Мэри все еще визжит. Она уже довела себя до такого состояния, что и не помнит, почему расстроилась. Я не могу обогнать автобус, потому что впереди знак «Стоп» и горит красный свет. И не важно, что моя машина — единственная на трассе, а в автобусе везут мою дочь. Как будто я могу ненароком переехать собственного ребенка.

Айрис выходит из автобуса. Судя по тому, с каким понурым видом она шагает по пустой подъездной дорожке, она явно думает, что я снова забыла вовремя вернуться домой.

— Смотри, Мэри. — Я показываю в окно. — Это наш дом. А вон Сисси. Ш-ш. Мы почти дома.

Мэри смотрит, куда я показываю, видит сестру и замолкает. Икает. А затем улыбается.

— Айрис!

Не А-А, не Ай-сис, не Сисси и даже не Ай-вис, но Айрис, четко и ясно. Гляди-ка!

В конце концов водитель автобуса решает, что, раз Айрис уже отошла от дороги, можно погасить предупреждающие фары. Дверь с шипением закрывается. Как только автобус трогается с места, я разворачиваюсь и въезжаю на парковку. Плечи Айрис выпрямляются. Она сияет и машет мне.

Мамочка снова дома, а значит, мир пришел в норму. Хотелось бы и мне сказать то же самое.

Я выключаю двигатель и иду к пассажирскому сиденью, чтобы застегнуть сандалии Мэри. Как только ее ножки касаются земли, она сразу же бежит во двор.

— Мамуля! — Айрис подбегает и обнимает меня за ноги. — Я думала, тебя нет!

Это звучит не как обвинение, а просто как констатация факта. И я уже не в первый раз огорчаю свою дочь. Хотелось бы мне сказать, что в последний.

— Все хорошо. Мама рядом.

Я сжимаю ее плечико и легонько треплю по волосам. Стивен все время повторяет, что мне нужно чаще обнимать дочерей, но физический контакт все еще остается для меня проблемой. Психотерапевт, которого прикрепили ко мне после того, как нас с мамой освободили, говорил, что у меня проблемы с доверием, и заставлял выполнять разные упражнения, вроде тех, когда нужно закрыть глаза, скрестить руки на груди и упасть назад, рассчитывая только на ее обещание меня поймать. Когда я отказывалась, она говорила, что я настроена слишком враждебно. Но на самом деле у меня не было проблем с доверием. Я просто считала все эти упражнения ужасно глупыми.

Айрис отпускает меня и вслед за сестрой бежит в дом. Дом не заперт. Мы никогда его не запираем. Южане, обладатели больших летних особняков на утесе, чьи окна смотрят на залив, всегда тщательно запирают двери и задергивают шторы, но мы не особенно из-за этого переживаем. Думаю, если перед грабителями встанет выбор между пустым особняком на отшибе, набитым дорогой электроникой, и одноэтажным домом у дороги, ясно, какой они предпочтут.

Но теперь я запираю дверь и иду на задний двор, чтобы проверить, есть ли у Рэмбо вода и еда. Рэмбо сидит на веревке, которую мы привязали к сосне. Завидев меня, он бросается навстречу, виляя хвостом. Он не лает, потому что я приучила

его этого не делать. Рэмбо — плоттхаунд, черный, с рыжими подпалинами, висячими хлопающими ушами и хвостом, похожим на кнут. Раньше я каждую осень брала его с собой на медвежью охоту с парочкой других охотников и их гончими, но две зимы назад пришлось дать Рэмбо отставку, после того как медведь вломился на наш двор и пес решил одолеть его в одиночку. Скажем так: собаку весом в сорок пять фунтов и пяти-сотфунтового медведя и рядом-то не поставишь, и не важно, что думает на этот счет сам пес. Большинство людей поначалу не замечают, что у Рэмбо всего три ноги, но теперь, когда он уязвим на целых двадцать пять процентов, я не верну его на поле боя. А после того, как он от скуки погнался за оленем прошлой зимой, нам пришлось держать его на привязи. В таком месте, как наш город, собаку, виновную в том, что она погналась за оленем, могут пристрелить на месте.

— У нас есть печенки? — спрашивает меня Айрис из кухни.

Она терпеливо ждет за столом, выпрямив спину и скрестив руки, в то время как ее сестра ковыряется в мусоре на полу. Должно быть, учительница в восторге от Айрис. Это она еще не встретилась с Мэри. Уже не в первый раз я задумываюсь о том, как у одних и тех же родителей могли появиться на свет два настолько разных ребенка. Если Мэри — огонь, то Айрис — это вода. Ведомый, но не ведущий. Она тихий сверхчувствительный ребенок, который всегда предпочтет книжку беготне, любит своих вымышленных друзей так же сильно, как я когда-то любила своих, и малейший упрек тут же принимает близко к сердцу. Ненавижу себя за то, что заставила ее ненадолго испугаться. Айрис Великодушная, конечно же, уже простила меня и забыла обо всем, но не я. Я никогда ничего не забываю.

Иду в кладовку и беру пакет с печеньем с верхней полки. Не сомневаюсь, что в один прекрасный день мой маленький викинг-налетчик попытается забраться и туда, но Айрис Послушная никогда даже не подумает об этом. Я кладу на

немало эпичных сражений. Отсутствие материальных благ никогда не было для меня проблемой.

До того как мое лицо покинуло обложки журналов, продающихся в супермаркетах, люди часто спрашивали, что показалось мне самым чудесным, невероятным и удивительным после того, как я попала в цивилизацию. Как будто их мир был лучше моего. Или на самом деле был цивилизованным. Я с легкостью могу оспорить уместность данного слова в описании того мира, который открылся мне в возрасте двенадцати лет: войны, загрязнение окружающей среды, алчность, преступность, голодающие дети, расовая ненависть, межнациональные конфликты — и это только начало. Может быть, интернет? (Невразумительная штука.) Фастфуд? (Навязчивый вкус.) Самолеты? (Ради бога, в пятидесятых годах технологии уже были весьма развиты. Неужели люди в самом деле думали, что над нашей хижинкой никогда не летали самолеты? Или что мы считали их гигантскими серебряными птицами?) Путешествия в космос? (Признаю, с этой темой у меня все еще возникают проблемы. Тот факт, что двенадцать человек прогулялись по Луне, кажется мне невыносимым. И да, я видела снимки.)

Мне всегда хотелось поставить вопрос по-другому. Можете ли вы сказать, каковы различия между обычной травой, ситником и осокой? Знаете, какие из диких растений пригодны для пищи и как их готовить? Сумеете подстрелить оленя, попав прямо в малозаметное коричневое пятно на его плече, чтобы он упал, где стоял, и не пришлось бы гоняться за ним весь остаток дня? А соорудить силки для кролика? Освежевать и выпотрошить его после поимки? Получится у вас приготовить его на открытом огне так, чтобы мясо было сочным, а корочка — румяной и хрустящей? И, кстати об этом, вы сможете разжечь костер без спичек?

Я быстро учусь. И мне понадобилось много времени, чтобы понять: большинство людей серьезно недооценивают мои навыки. Положа руку на сердце, могу сказать: их мир все же

тарелку четыре печенья, наливаю два стакана молока, а потом иду в ванную. Открываю кран, набираю полные ладони воды и умываюсь. Замечаю выражение своего лица в зеркале и осознаю, что мне нужно взять себя в руки. Как только Стивен вернется домой, я во всем признаюсь. А пока девочки не должны ничего заметить.

После того как они доедают печенье с молоком, я отправляю их в комнату, потому что мне нужно послушать новости, а я не хочу, чтобы они тоже их услышали. Мэри еще слишком маленькая, чтобы понять важность слов «побег из тюрьмы», «охота» и «вооружен и опасен», но Айрис вполне может. По Си-эн-эн показывают вертолет, скользящий над верхушками деревьев. Мы находимся так близко к зоне поиска, что если я выйду на улицу, то увижу этот вертолет. Внизу экрана бегут объявления полиции штата — они призывают жителей не выходить из дома. Показывают фотографии убитых охранников, пустого тюремного фургона и интервью с безутешными семьями. Недавнее фото моего отца. Тюремная жизнь была к нему немилосердна. А вот и две фотографии моей матери — юной девочки и скуластой женщины. Мое фото, на котором мне двенадцать лет. Снимок нашей хижины. Никаких упоминаний о Хелене Пеллетье, но это вопрос времени.

Из коридора доносится топот ножек Айрис и Мэри, и я выключаю звук.

— Мы хотим поиграть на улице, — говорит Айрис.

— Улице, — эхом отзывается Мэри. — На!

Я понимаю. Держать их взаперти бессмысленно. Их игровая площадка окружена шестифутовым забором из плетеного железа, и из кухонного окна мне прекрасно виден весь двор. Стивен установил этот забор после случая с медведем.

«Дети внутри, звери снаружи», — с удовольствием констатировал он, когда работа была закончена, и вытер ладони о брюки, как будто сам вбил все шесты. Если бы обезопасить детей было так просто!..

— Хорошо, — говорю я. — Но недолго!

Благодарности

Писателю приходит идея. Эта идея превращается в текст и в конечном счете становится книгой — благодаря помощи этих креативных, талантливых, невероятно пронизательных и потрясающе трудолюбивых людей:

— Ивана Хелда и Салли Ким, моего издателя и главы редакции «Патнэм». Все это случилось благодаря вам. Спасибо вам. Искренне и от всей души.

— Марка Тавани, моего редактора. Мне очень понравилось работать с вами, ваш острый взгляд и невероятная пронизательность превзошли все мои ожидания.

— команды из «Патнэм»: Алексис Уэлби, Эшли Мак-Клэй, Хелен Ричард, производственного персонала и всех сотрудников отдела продаж и рекламы. Спасибо вам за то, что создали такую прекрасную книгу!

— Джеффа Клейнмана, моего невероятного агента. Не могу передать, что значили для меня и моей карьеры последние семнадцать лет. Ты сделал из меня писателя, которым я могу назвать себя сегодня.

— Молли Джаффа, моего талантливого и неутомимого агента по иностранным правам.

— Келли Мустейн, Сандры Кринг и Тодда Аллена, моих первых читателей. Вы аплодировали мне, когда я работала над книгой, и поддерживали, когда работа не шла. Без вас я бы не справилась.

— Дэвида Моррелла. Твой ясный взгляд и огромное сердце сыграли свою роль.

— Кристофера и Сары Грехэм, Кэти и Джона Мастерс, Лунетты Эклунд, Стива Лето, Келли и Роберта Мейстер, Линды и Гэри Киочетто, Кейтелин Бостик и Ли Галлахер (она ушла, но не забыта), Дэна Джонсона, Ребекки Контрелл, Элизабетт Леттс, Джона Клипча, Сачин Вейкара, Тины Уолд,

Тима и Адель Воскобойник, а также Кристи, Дарси Чен, Кита Кронина, Джессики Кинер, Рене Розен, Джулии Крамер, Карлы Бакли, Марка Бастабле, Таши Александер, Лорен Баратц-Логстед, Рейчел Элизабет Коул, Линн Синклер, Даниель Янг-Улман, Дороти Макинтош, Хелен Доуделл, Мелани Бенджамин, Сары Груэн, Гарри Гунсейкера, Дж. Н. Богрэна, Мэгги Дана, Ребекки Дрейк, Мэри Кеннеди, Брайана Смита, Джо Мура, Сьюзан Хендерсон и еще многих замечательных друзей, которые всячески меня поддерживали. Знакомство с вами — честь для меня.

Спасибо моей семье за любовь и поддержку, и особенно огромное сердечное спасибо моему мужу Роджеру. Твоя непоколебимая вера в то, что я могу написать эту книгу, значила больше, чем я могу сказать.

Літературно-художнє видання

Донька Болотного Царя
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратилат*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 16.05.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 14,28. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Дочь Болотного Царя

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 16.05.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 14,28. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Гелена народилася в полоні і дванадцять років прожила, не маючи жодного контакту із зовнішнім світом і навіть не здогадуючись, що в її житті щось не так. Якби вона тоді розуміла, що відбувається, все було б по-іншому: вона більше любила б матір і точно не обожнювала б батька. Ніхто, навіть чоловік Гелени, не знає нічого про її минуле... Коли горезвісний викрадач, відомий як Болотний Цар, виходить із в'язниці, Гелена відразу ж розуміє, що вона в небезпеці. Ніхто не знає, що він може вижити в диких умовах краще за будь-кого, крім, можливо, його власної дочки...

Дионне К.

Д46 Дочь болотного царя / Карен Дионне ; пер. с англ. М. Чайковской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 272 с.

ISBN 978-617-12-3185-6

ISBN 978-0-7352-1300-5 (англ.)

Хелена родилась в плену и двенадцать лет прожила, не имея никакого контакта с внешним миром и даже не догадываясь, что в ее жизни что-то не так. Если бы она тогда понимала, что происходит, все было бы по-другому: она больше любила бы мать и точно не обожала бы отца. Никто, даже муж Хелены, не знает ничего о ее прошлом... Когда пресловутый похититель, известный как Болотный Царь, выходит из тюрьмы, Хелена сразу же понимает, что она в опасности. Никто не знает, что он может выжить в диких условиях лучше любого, кроме, возможно, его собственной дочери...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)